

— Ты... — Цзюймань на мгновение опешил. Растерявшись, он неосознанно перевёл взгляд на Лингуана.

Тот застыл как вкопанный, не в силах отвести взора от профиля незнакомца, и опомнился лишь тогда, когда мужчина выпрямился.

Под светом уличных фонарей его безупречно сидевшие одежды казались накрахмаленными, а серебряные волосы отливали сказочным блеском, точно лунная дорожка на зеркальной глади воды.

Он вскинул голову. Длинные ресницы дрогнули, приоткрывая чистые янтарные глаза, в которых теплилась весенняя мягкость, подобная бликам солнца на озёрной воде. Черты его лица дышали кротостью и божественным милосердием: чуть изогнутые тонкие брови, аккуратный прямой нос и бледно-розовые губы, застывшие в едва заметной, благожелательной полуулыбке. Лучи ложились на его макушку, окружая голову мягким, почти сакральным сиянием, а взгляд выражал такое глубокое сострадание, какое являют лишь лики святых.

Взор незнакомца, подёрнутый лёгкой дымкой, остановился на Лингуане. Мужчина мягко улыбнулся и с сожалением в голосе произнёс:

— Я помешал вам?

— Прошу прощения. Это плоды из моего сада, угощайтесь, — он достал из холщовой сумки крупный, спелый персик и протянул его Цзюйманю.

Бог весны вздрогнул, виновато покосился на Лингуана и вымученно улыбнулся:

— Давай свяжемся позже. Я, пожалуй, пойду.

Не дожидаясь ответа, он поспешно развернулся и скрылся в темноте. В его уходящем силуэте сквозило уныние.

В переулке воцарилась тишина. Лингуан продолжал изучать незнакомца оценивающим, проницательным взглядом. Тот тем временем наклонился и достал из сумки несколько спелых слив. Приняв угощение и спрятав его в карман, Лингуан непринуждённо спросил:

— Как твоё имя? Что-то я не помню на планете Инхо божества с таким ликом.

Именно — божества.

Лингуан с первой же секунды почуял его неземную природу, просто поначалу его сбила с толку яркая внешность гостя. Будь на планете подобный бог, Лингуан непременно бы о нём

знал.

К тому же этот незнакомец до странного напоминал Ао Цина. В профиль он был ещё больше похож. В его облике сквозила та же безграничная мягкость, разве что у этого юноши она граничила с отрешённым милосердием Будды.

Юэ Чжао не смутился. Сделав пару неторопливых шагов навстречу, он улыбнулся ещё теплее и процитировал:

— «Сияет лик луны в заоблачной вышине, любовь мою неся к сияющим высотам»... Меня зовут Юэ Чжао.

В его влажном, чистом взоре сквозила невыразимая нежность, окутывающая собеседника тёплой волной.

— «Сияет лик луны в заоблачной вышине, любовь мою неся к сияющим высотам»... — медленно повторил Лингуан и изогнул бровь. — Это ведь любовное стихотворение.

Юэ Чжао лишь загадочно улыбнулся в ответ. Его ласковый взгляд показался Лингуану смутно знакомым.

Сменив гнев на милость, Звёздный Лорд заглянул в его сумку и принялся перечислять содержимое:

— Плоды Цзяго из заповедных гор, плоды Шатан с самого Куньлуня, плоды Даньго с вершин Яньцзы...

Уголки красивых фениксовых глаз Лингуана приподнялись, выдавая неподдельный интерес.

— Подобные диковины днём с огнём не сыщешь. А вы, господин Юэ, человек непростой. Вот только не знаю: пришли вы сюда намеренно или действительно проходили мимо?

Юэ Чжао не смутился. Сделав пару неторопливых шагов навстречу, он улыбнулся ещё теплее и спросил:

— А если я скажу, что намеренно подстроил эту встречу? Как поступит Звёздный Лорд?

Лингуан лишь усмехнулся, пряча руки в карманы и не спеша с ответом.

Не выдержав затянувшейся паузы, Юэ Чжао с искренним любопытством поинтересовался:

— Но как вы догадались?

— Ты отлично скрываешь свою божественную суть, маскируясь под обычного смертного. Однако Цзюймань — Бог весны. Даже пребывая в полном смятении, он ни за что не позволил бы простому прохожему врезаться в себя. К тому же плоды в твоей корзине — редчайшие сокровища, большая часть которых выращивается исключительно для верхушки расы Яо. Обычному человеку их не достать, — Лингуан методично разложил всё по полочкам. — И это ещё не всё. Во-вторых... — он вдруг замолчал.

Юэ Чжао подался вперёд. Его кроткие, янтарные, как у оленёнка, глаза горели неподдельным интересом.

— Во-вторых?

— Во-вторых, я никогда раньше тебя не видел, — отрезал Лингуан.

Юэ Чжао замер от неожиданности. На его лице отразилось искреннее изумление.

— Я знаю каждого, кто родился на планете Инхо, и каждого чужака, ступившего на эту землю, — Лингуан слегка коснулся пальцем своего виска. В его небрежном тоне сквозила царственная, непреклонная уверенность правителя.

Он слегка вскинул подбородок. В этой позе не было дешёвого хвастовства — лишь величие истинного монарха, заставляющее преклонить колени.

Юэ Чжао тихо рассмеялся, признавая поражение:

— Что ж, лжец из меня и впрямь никудышный.

Он с притворным вздохом приподнял холщовую сумку:

— Раз уж я помог вам избавиться от навязчивого собеседника, не окажет ли Звёздный Лорд мне честь? Отведайте плодов, что я вырастил своими руками.

Лингуан слегка нахмурился, но любопытство взяло верх. Желая разузнать побольше о странном божестве, он согласился.

Жильё Юэ Чжао оказалось на редкость убогим, особенно для бога. Разрушающийся домишко на окраине города больше напоминал аварийный барак, стены которого держались

исключительно благодаря густым, переплетённым стеблям дикого плюща и винограда.

Зато в саду у дома буйно зеленели деревья. Лингуан с первого взгляда опознал как минимум три вида древнейших растений эпохи Шаньхайцзин.

Пока они шли, Лингуан связался по терминалу с Бай Чанфэном, чтобы прояснить ситуацию. Тот без лишних слов скинул ему базу данных по всем недавним переселенцам.

«Божество, преданное людьми и лишившееся дома...» — Лингуан задумчиво окинул взглядом идущего впереди Юэ Чжао.

Этот кроткий бог казался до крайности наивным. Даже после горького предательства смертных он без всяких опасений выставил напоказ всё своё богатство перед Звёздным Лордом. Захоти Лингуан ограбить его — и редчайшие саженцы из сада ушли бы за баснословные деньги. Сам Писью захлебнулся бы от зависти!

Но сейчас это божество вызывало лишь жалость. В полуразрушенном доме сиротливо ютились одинокая кровать да пара колченогих стульев, явно подобранных на какой-то свалке.

Юэ Чжао безуспешно попытался отыскать среди этого хлама хоть что-то приличное для гостя, но тщетно — в доме царила беспросветная нищета.

Тогда он взмахнул тонкими пальцами. Свисавшие с потолка лозы послушно устремились вниз и под воздействием мягкой божественной силы сплелись в изящное подвесное кресло.

Следом тем же мановением руки он сотворил чайный столик и несколько сидений, превратив унылую лачугу в подобие уютной лесной беседки.

— Прости, что заставил ждать, — смущённо улыбнулся Юэ Чжао.

Он высыпал из сумки яркие плоды, омыл их парящей в воздухе струёй чистой воды и заставил зависнуть перед Лингуаном, предлагая выбрать любой.

Лингуан лишь мельком скользнул по ним взглядом и спросил напрямую:

— О чём ты хотел поговорить?

Учитывая его поразительное сходство с покойным супругом, Лингуан готов был проявить снисхождение и помочь беглому богу обжиться на новом месте.

— Ну... — Юэ Чжао замялся. Его щёки тронул едва заметный румянец. Опустив глаза, он тихо

вздыхнул: — Не стану скрывать, когда-то я был хранителем целых земель. Я слишком потакал людям, которые мне поклонялись, и в итоге поплатился за это. Сначала они молили лишь о защите и мире. Когда пришёл великий голод, они потребовали еды. Пережив невзгоды, захотели богатства. Обретя золото, возжелали власти и вечной жизни... Я никогда не общался с другими богами и не знал, к чему ведёт подобная слепота. В конце концов они осквернили мои алтари, ворвались в святилище и заживо срезали с меня плоть.

При этих воспоминаниях лицо Юэ Чжао исказила гримаса мучительной боли. Он был сострадательным, всепрощающим хранителем, искренне любившим своих подопечных. Но паства предала его, разорив храмы и растерзав его тело. Он искренне не понимал, за что заслужил такую жестокость.

— А потом... я не совладал со своим гневом, — Юэ Чжао поднялся и медленно расстегнул верхние пуговицы одеяния.

Под тканью его бледная кожа оказалась испещрена чёрными узорами кандалов проклятия. Пальцы юноши дрожали, словно лепестки сорванного бурей цветка. На его обнажённой груди залегли глубокие, въевшиеся прямо в кости путы, причинявшие невыносимые страдания.

— Я уничтожил всех, кого когда-то оберегал.

— Пожалуйста... сожгите мои грехи. Даруйте мне избавление.

Он преданно взглянул на Лингуана. От душащих его слёз и боли внешние уголки его глаз покраснели.

Некогда чистый и ласковый покровитель теперь нёс на себе клеймо чудовищного греха. Он умолял о спасении, и в его затуманенном скорбью взоре отражалась безлунная, беспросветная ночь.

Лингуан знал гораздо больше, чем поведал ему гость. Юэ Чжао не принадлежал к этой вселенной. Мироздание состоит из множества миров, и в их Великое Царство порой забредали внешние сущности. Этот бог явился из малого измерения — его колоссальная мощь попросту прорвала границу пространств несколько дней назад.

Лингуан осторожно коснулся чёрных линий кандалов, вросших в плоть юноши, и серьёзно спросил:

— Ты хорошо подумал? Моё Божественное пламя способно испепелить грехи, но тебе придётся пережить нечеловеческие муки.

— Это не важно, — кротко улыбнулся Юэ Чжао, издав тихий вздох сожаления. — Когда кандалы спадут, души моих погубленных подданных наконец-то смогут войти в колесо

перерождений.

Лингуан лишился дара речи от подобного всепрощения.

— Если платить добром за зло, то чем же тогда платить за добро? — покачал он головой.

И всё же Лингуан не мог не проникнуться к нему уважением. Он всегда питал слабость к милосердным и самоотверженным богам. Многие из его близких друзей-небожителей отдали свои жизни ради благополучия и счастья простых людей.

Глядя на Юэ Чжао, он невольно вспоминал их. Особую тоску навевал образ его покойного супруга — такого же глупого, доверчивого романтика, которого вечно обводили вокруг пальца. Тот никогда не держал зла на обманщиков и лишь виновато улыбался: «А вдруг им действительно была нужна помощь?» Непроходимый, наивный простак.

Вздохнув, Лингуан согласился помочь. Осмотрев убогую обстановку, он добавил:

— На днях зайти в Звёздную администрацию. Для богов-переселенцев на каждой планете предусмотрены щедрые подъёмные и ежемесячное пособие. Оформить документы, и средства будут регулярно поступать на твой счёт.

— В Звёздную администрацию? — Юэ Чжао удивлённо склонил голову набок, а затем просиял: — О, так вы тоже там работаете? У меня в саду скоро созреет новый урожай. Могу я приносить плоды прямо вам в кабинет?

Он уставился на Лингуана преданным, умоляющим взглядом, точь-в-точь как преданный пёс, ждущий ласки от хозяина.

Лингуан не любил лишних хлопот:

— В этом нет нужды. Просто заberi положенное пособие и...

Договорить он не успел. В янтарных глазах юноши мгновенно заблестели слёзы, а на лице отразилось глубокое разочарование.

— Простите... Просто это единственное, чем я могу вас отблагодарить, — прошептал он, понуро опустив голову. В полумраке его хрупкий силуэт казался бесконечно одиноким и беззащитным.

Лингуан терпеть не мог чужих слёз, но и превращать рабочее место в склад фруктов тоже не собирался. Пришлось искать компромисс:

— Раз уж тебе так не терпится отплатить за услугу, у меня в резиденции есть саженец дерева Дисю, требующий пересадки. Можешь приходить раз в неделю и ухаживать за ним. Заодно я буду постепенно выжигать твои кандалы Божественным пламенем.

— А это... не слишком обременит вас? — Юэ Чжао загорелся надеждой, но тут же боязливо осёкся, изображая крайнее беспокойство.

Когда Лингуан твёрдо кивнул, лицо юноши озарила счастливая улыбка, а его оленьи глаза засветились неподдельным восторгом.

Лингуан невольно замялся.

«И почему у меня такое чувство, будто меня только что нагло обвели вокруг пальца?»

Но, глядя на ликующего Юэ Чжао, он лишь мысленно махнул рукой.

Пусть будет так.

<http://bllate.org/book/20308/2188945>